

Финансово-кредитные отношения / Financial and Credit Relations

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5973-2026-15-4-376](https://doi.org/10.12731/3033-5973-2026-15-4-376)EDN: [CSSLOQ](https://www.edn.ru/CSSLOQ)

УДК 330.161

Финансовая резильентность в условиях макроэкономической нестабильности: адаптация и психометрическая проверка шкалы на российской выборке

А.А. Максименко¹, М.А. Лазарев², Д.В. Юринова³¹НИУ Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация²Российский государственный университет социальных технологий,
Москва, Российская Федерация³Костромской государственный университет,
Кострома, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В условиях макроэкономической неопределенности, сохраняющейся в российской экономике, способность населения противостоять финансовым шокам становится критически важным фактором индивидуального благополучия и социально-экономической стабильности. В зарубежной литературе для описания этой способности используется конструкт финансовой резильентности (financial resilience), однако в российской науке он остается малоизученным, а надежных инструментов для его количественной оценки не существует.

Цель настоящей работы заключается в адаптации на российской выборке Шкалы финансовой резильентности (Oliveira et al., 2024) и эмпирической проверке взаимосвязей между ее компонентами и отношением населения к денежно-кредитной политике.

Материалы и методы. Исследование выполнено на выборке из 321 респондента ($M = 37,9$; $SD = 11,5$). Наряду с адаптируемой шкалой использовались авторский опросник отношения к денежно-кредитной политике, методики диагностики финансовой самоэффективности, личностных черт и диспозиционного оптимизма. Применялись *эксплораторный факторный анализ и корреляционный анализ (r-Спирмена)*.

Результаты. Полученные результаты позволяют заключить, что адаптированная версия шкалы воспроизводит 3-х факторную структуру оригинала («Сберега-

тельное поведение», «Финансовая включенность», «Способность справляться с трудностями») с показателями внутренней согласованности $\alpha = 0,811$, $\omega = 0,819$. Пункт о наличии банковского счета исключен из-за перекрестной нагрузки и культурно-специфической неоднозначности интерпретации. Корреляционный анализ выявил значимые положительные связи доверия к Центральному банку со сберегательным поведением и копинг-способностью, а также значимые корреляции инфляционных ожиданий и поведенческой реакции на ключевую ставку с компонентами резильентности.

Выводы. Адаптированная шкала может быть рекомендована для диагностики финансовой уязвимости населения, оценки программ финансового просвещения и мониторинга социально-экономических последствий денежно-кредитной политики. Полученные данные свидетельствуют о том, что институциональное доверие выступает психологическим ресурсом, снижающим неопределенность и способствующим формированию долгосрочных финансовых стратегий, что открывает перспективы для дальнейших исследований роли макроэкономических ожиданий в формировании финансовой устойчивости домохозяйств.

Ключевые слова: финансовая резильентность; денежно-кредитная политика; адаптация опросника; валидизация; финансовое поведение; доверие к Центральному банку; инфляционные ожидания; сберегательное поведение; финансовая устойчивость

Для цитирования. Максименко, А. А., Лазарев, М. А., & Юринова, Д. В. (2026). Финансовая резильентность в условиях макроэкономической нестабильности: адаптация и психометрическая проверка шкалы на российской выборке. *Siberian Journal of Economic and Business Studies / Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований*, 15(4), 1001-1030. <https://doi.org/10.12731/3033-5973-2026-15-4-376>

Financial resilience in conditions of macroeconomic instability: adaptation and psychometric validation of the scale using a Russian sample

A.A. Maksimenko¹, M.A. Lazarev², D.V. Yurina³

¹National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russian Federation

²Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russian Federation

³Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation

Abstract

Background. In the context of macroeconomic uncertainty persisting in the Russian economy, the population's ability to withstand financial shocks is becoming a critically

important factor of individual well-being and socio-economic stability. In the international literature, the concept of financial resilience is used to describe this ability; however, in Russian scholarship it remains understudied, and reliable instruments for its quantitative assessment are lacking.

Purpose. The aim of this study is to adapt the Financial Resilience Scale (Oliveira et al., 2024) on a Russian sample and to empirically examine the relationships between its components and the population's attitudes toward monetary policy.

Materials and methods. The study was conducted on a sample of 321 respondents ($M = 37.9$; $SD = 11.5$). Along with the adapted scale, an author-developed questionnaire on attitudes toward monetary policy, and measures of financial well-being, financial self-efficacy, personality traits, and dispositional optimism were administered. Exploratory factor analysis and correlation analysis (Spearman's r) were used.

Results. The adapted version of the scale reproduces the three-factor structure of the original ("Savings Behavior," "Financial Inclusion," "Coping Capacity") with internal consistency coefficients of $\alpha = 0.811$ and $\omega = 0.819$. The item on bank account ownership was excluded due to cross-loading and culturally specific ambiguity in interpretation. Correlation analysis revealed positive associations between trust in the Central Bank and savings behavior ($r = 0.243$; $p < 0.001$) and coping capacity ($r = 0.315$; $p < 0.001$), as well as significant correlations between inflation expectations and behavioral responses to the key interest rate and resilience components.

Conclusions. The adapted scale can be recommended for diagnosing population financial vulnerability, evaluate financial education programs, and monitoring the socio-economic consequences of monetary policy. The findings suggest that institutional trust serves as a psychological resource reducing uncertainty and facilitating the formation of long-term financial strategies, opening avenues for further research on the role of macroeconomic expectations in shaping household financial stability.

Keywords: financial resilience; monetary policy; questionnaire adaptation; validation; financial behavior; trust in the Central Bank; inflation expectations; savings behavior; financial stability

For citation. Maksimenko, A. A., Lazarev, M. A., & Yurinova, D. V. (2026). Financial resilience in conditions of macroeconomic instability: adaptation and psychometric validation of the scale using a Russian sample. *Siberian Journal of Economic and Business Studies*, 15(4), 1001-1030. <https://doi.org/10.12731/3033-5973-2026-15-4-376>

Введение

Генезис понятия «резильентность» восходит к экологическим исследованиям 1970-х годов. Так, в работе К.С. Холлинга «Устойчивость и стабильность экологических систем» («Resilience and Stability of Ecological Systems») было предложено различать 2 типа устойчивости: инженер-

ную, понимаемую как способность системы возвращаться к исходному равновесному состоянию, и экологическую, трактуемую как способность системы поглощать возмущения, перестраиваться и переходить в новое состояние равновесия, сохраняя при этом базовую идентичность [16]. Это различие имело принципиальное значение для дальнейшего развития концепта: резильентность стала обозначать способность системы не только возвращаться к исходному состоянию, но и перестраиваться, сохраняя базовую идентичность. Из экологии понятие мигрировало в психологию [19; 36], социологию [5; 10; 30], урбанистику [37], региональную экономику [35], теорию управления рисками и финансовые системы [40], а также в исследования социально-экологических систем [13].

В финансовую науку концепция резильентности вошла через макроэкономический уровень: после глобального финансового кризиса 2008 года исследователи и регуляторы обратились к ней для описания способности финансовых институтов и целых секторов противостоять системным шокам и восстанавливаться после них [11]. Однако долгое время это оставалась макроэкономическая оптика: резильентность банковского сектора, страховых систем, государственных бюджетов. Поворот к индивиду и домохозяйству произошел позднее – и во многом под влиянием пандемии COVID-19, которая с беспрецедентной наглядностью продемонстрировала, что даже внешне благополучные домохозяйства оказываются крайне уязвимы перед внезапными потерями дохода и ужесточением кредитных условий [12; 25].

Этот поворот от макро- к микроуровню требует терминологической ясности. Финансовая устойчивость (financial stability) – более широкое понятие, описывающее способность системы сохранять равновесие и возвращаться в исходное состояние после возмущений. Финансовая резильентность (financial resilience), напротив, характеризует способность индивида или домохозяйства мобилизовать внутренние и внешние ресурсы в периоды финансовых невзгод. В настоящей работе в качестве основного предмета исследования выступает именно резильентность, тогда как устойчивость рассматривается как более общая рамка, в которую резильентность встроена.

Ключевой работой, институционализировавшей понятие финансовой резильентности на микроуровне, стала статья Ф. Салиньяка «Концептуализация и измерение финансовой резильентности: многомерная рамка» («Conceptualizing and Measuring Financial Resilience: A Multidimensional Framework») [33]. Авторы предложили определение финансовой рези-

леньности как «способности индивида получать доступ к внутренним возможностям и соответствующим, приемлемым и доступным внешним ресурсам и видам поддержки в периоды финансовых невзгод» [33, р. 21]. Важнейшим вкладом этой работы стало смещение фокуса с одномерных индикаторов – например, способности найти определенную сумму в течение месяца – к многомерной модели, включающей экономические ресурсы, финансовые знания и поведение, социальный капитал и доступ к институциональным услугам. На основе репрезентативной выборки из 1496 взрослых австралийцев [33] было показано, что более 2 миллионов австралийцев испытывают высокий уровень финансовой уязвимости, что подтвердило практическую значимость конструкта для диагностики и разработки релевантной государственной экономической политики.

Вслед за работой Ф. Салиньяка с соавторами последовал ряд исследований, уточняющих и расширяющих концептуальные границы финансовой резильентности. В обзоре «Финансовая резильентность в отношении здоровья индивидов и домохозяйств» («Health financial resilience in individuals and households») были выделены 4 ключевых компонента финансовой резильентности: экономические ресурсы, финансовые знания и поведение, социальный капитал и доступ к финансовым услугам [17]. Систематический обзор П. Камбла [18] выявил 3 группы предикторов финансовой резильентности (экономические, социальные и поведенческие), которые опосредуют различные категории финансовых решений. В работе З. Лю «Финансовая резильентность: обзорное исследование, концептуальный синтез и теоретическая рамка» («Financial resilience: a scoring review, conceptual synthesis and theoretical framework») [22] предложена интегративная теоретическая рамка, в рамках которой резильентность трактуется как динамический процесс, охватывающий как подготовку к потенциальным шокам, так и реагирование на них, и последующее восстановление. М. Робба [32] отмечает концептуальную неоднородность и методологическую фрагментацию исследований финансовой резильентности, указывая на необходимость синтеза экономической и психологической перспектив. Параллельно с этим в поведенческой экономике и поведенческих финансах формировался самостоятельный интерес к тому, как когнитивные искажения и эмоциональные факторы влияют на способность людей противостоять финансовым трудностям. Исследования показали, что финансовая грамотность, будучи важным драйвером финансового благополучия, не всегда напрямую определяет финансовое поведение, поскольку его формирование зависит от множества факторов

[24]. Это привело к пересмотру подхода: вместо того чтобы спрашивать «знает ли человек, как работают проценты?», исследователи задались вопросом «есть ли у человека когнитивные и эмоциональные ресурсы, чтобы воспользоваться этим знанием в критической ситуации?» [6; 20]. Так резильентность органично вписалась в проблемное поле поведенческой экономики, соединив макроинституциональный анализ с микроуровнем принятия решений. Ф. Картон, Х. Сюн и Дж. Маккарти [9] показали, что финансовое благополучие в депривированных группах связано не только с наличием ресурсов, но и с субъективной способностью управлять ими в условиях неопределённости. А. Лузарди, Д. Шнайдер и П. Туфано [25] ввели понятие «финансовой хрупкости» как обратной стороны резильентности, измеряемой через способность домохозяйства найти средства для покрытия непредвиденных расходов.

В орбиту конструкта постепенно втягивались все новые феномены. Финансовое благополучие перестало рассматриваться как прямая функция дохода, оно стало связываться с воспринимаемой финансовой угрозой, стрессом от управления деньгами и ожидаемой будущей безопасностью [27]. Сберегательное поведение начало интерпретироваться не просто как результат рационального планирования, а как поведенческий механизм, способствующий формированию буфера, который позволяет сохранять контроль в случае шока [7]. Финансовая включенность – наличие банковского счета, доступ к кредитам и страховым продуктам – перестала быть только показателем доступности услуг и стала рассматриваться как институциональная основа резильентности [12]. Социальный капитал, в свою очередь, был признан реальным ресурсом, который можно конвертировать в финансовую помощь, информацию или доступ к возможностям [15; 29].

Особое место в этой сети заняло доверие к институтам – и прежде всего к центральному банку. В условиях макроэкономической нестабильности доверие становится не столько эмоциональной установкой, сколько практическим ориентиром: если люди верят, что регулятор способен удерживать инфляцию под контролем, они с большей вероятностью принимают долгосрочные финансовые решения – вкладывают средства, планируют пенсию, не поддаются паническим настроениям. Напротив, подорванное доверие порождает инфляционные ожидания, которые начинают жить собственной жизнью, отрываясь от объективной экономической реальности. В этом смысле финансовая резильентность оказывается глубоко укорененной в институциональной среде: она не сводится к личным качествам или наличию сбережений, а зависит от того, насколько предсказуемой и заслу-

живающей доверия человек воспринимает экономическую политику. Как отмечается в докладах МВФ, доверие к центральным банкам и качество денежно-кредитной политики напрямую связаны с финансовой устойчивостью домохозяйств и экономик в целом.

Обзор литературы показывает, что за последние два десятилетия финансовая резильентность превратилась из метафоры в операционализируемый конструкт. Однако его измерение остается привязанным к институциональному контексту, в котором создавались существующие инструменты. Для России, где уровень проникновения банковских услуг существенно выше, чем в странах, на выборках которых разрабатывались эти шкалы, вопрос о воспроизводимости их факторной структуры остается открытым. Не менее значим и другой пробел: связь финансовой резильентности с отношением населения к денежно-кредитной политике до сих пор не исследовалась эмпирически. Именно на восполнение этих двух лакун и направлена настоящая работа.

Обобщая рассмотренные подходы, сформулируем авторскую позицию, которая заключается в том, что финансовая резильентность представляет собой многомерный динамический ресурс, формирующийся на пересечении индивидуальных копинг-стратегий, доступа к финансовой инфраструктуре и институционального доверия и проявляющийся в способности человека сохранять контроль над своим финансовым положением в условиях неопределенности. Такое понимание позволяет увидеть ограниченность чисто ресурсного подхода, поскольку наличие сбережений или банковских продуктов само по себе не гарантирует устойчивости перед лицом шока. Именно этот разрыв между формальным доступом к финансовым ресурсам и реальной способностью им противостоять и находится в фокусе настоящего исследования.

Цель настоящего исследования является адаптация на российской выборке Шкалы финансовой резильентности (Financial Resilience Scale), а также эмпирическое изучение взаимосвязи между компонентами финансовой резильентности (сберегательное поведение, способность справляться с трудностями, финансовая включенность) и отношением населения к денежно-кредитной политике, включая доверие к Центральному банку, инфляционные ожидания, поведенческую и эмоциональную реакцию на изменение ключевой ставки.

Практическая значимость исследования состоит в том, что адаптированный инструмент может применяться для диагностики финансовой уязвимости населения, оценки результативности программ финансового

просвещения и мониторинга социально-экономических эффектов денежно-кредитной политики. Полученные данные о связи доверия к Центральному банку с компонентами резильентности могут быть востребованы при разработке мер, направленных на укрепление финансовой устойчивости домохозяйств.

Материалы и методы

Опрос проводился в онлайн-формате с 16 по 19 июля 2026 года посредством сервисов Anketolog и Яндекс Задания. Все респонденты участвовали в исследовании добровольно и анонимно, предварительно ознакомившись с целями работы и подтвердив информированное согласие. Критериями включения в выборку являлись достижение совершеннолетия и проживание на территории Российской Федерации. В исследовании принял участие 321 респондент в возрасте от 18 до 75 лет ($M = 37,9$; $SD = 11,5$), среди которых 55,1 % составили женщины и 44,9 % – мужчины.

По степени урбанизации места проживания выборка оказалась достаточно сбалансированной: четверть респондентов (25,2 %) проживают в Москве, еще 24,9 % – в других крупных городах-миллионниках, 29,3 % – в областных центрах и 20,6 % – в районных центрах. Семейное положение участников характеризовалось преобладанием состоящих в официальном браке (40,5 %), тогда как доля живущих в незарегистрированном сожительстве и разведенных была одинаковой – по 13,4 %; 1,2 % респондентов указали на статус вдовца/вдовы, а 31,5 % никогда не состояли в браке и не имеют партнера. Что касается наличия детей, почти половина опрошенных (45,5 %) не имеют потомства, 27,1 % воспитывают одного ребенка, 20,6 % – двоих, 5,6 % – троих и 1,2 % – четырех и более детей. Уровень религиозности, оцененный по самоотчету, смещен в сторону нерелигиозных позиций: 34,0 % отнесли себя к совсем нерелигиозным, 36,1 % – к не очень религиозным, тогда как довольно религиозными назвали себя 27,7 %, и лишь 2,2 % – очень религиозными. Субъективная оценка материального положения показала, что большинство респондентов относят себя к среднему доходному слою (51,4 %); при этом 28,0 % оценили свой доход как низкий, 16,5 % – как едва сводящий концы с концами, тогда как высокий и очень высокий доходы отметили соответственно 3,7 % и 0,3 % опрошенных.

Участники заполнили анкету, включавшую социально-демографический блок. Также были применены следующие методики:

Для измерения отношения респондентов к денежно-кредитной политике использовалась авторская методика, разработанная в рамках данного

исследования. Опросник включает 12 утверждений, объединенных в четыре субшкалы: доверие к Центральному банку (3 пункта), инфляционные ожидания (3 пункта), реакция на изменение ключевой ставки (3 пункта) и эмоциональная реактивность на финансовые стимулы (3 пункта). Утверждения оцениваются по 5-балльной шкале Лайкерта (от 1 = «полностью не согласен» до 5 = «полностью согласен»). Два пункта (№ 6 и № 11) сформулированы в обратном ключе и при расчете итоговых показателей подлежат реверсивному кодированию. Опросник позволяет оценить как когнитивные аспекты восприятия денежно-кредитной политики (доверие к регулятору, ожидания относительно инфляции), так и поведенческие и эмоциональные реакции на действия Центрального банка.

Для оценки финансовой устойчивости была использована Шкала финансовой резильентности (Financial Resilience Scale), разработанная Н. Оливейрой, А. Брессаном и К. Виейрой [28]. Инструмент включает 11 пунктов, объединенных в три фактора: сберегательное поведение (3 пункта: откладывание дохода на банковский счет, регулярные сбережения, накопления на непредвиденные расходы), способность справляться с трудностями (3 пункта: возможность взять кредит в экстренной ситуации, мобилизация средств, эквивалентных месячной зарплате, и фиксированной суммы) и финансовая включенность (5 пунктов: наличие банковского счета, дебетовой карты, страховки, использование дебетовой карты и мобильных платежных сервисов). Все утверждения оцениваются по 5-балльной шкале Лайкерта (от 1 = «полностью не согласен» до 5 = «полностью согласен»). В оригинальном исследовании все факторные нагрузки были статистически значимыми, показатели надежности (α и ω) превышали 0,70 для всех факторов, а конвергентная и дискриминантная валидность были подтверждены.

Для измерения уверенности респондентов в своей способности управлять личными финансами применялась Шкала финансовой самоэффективности (Financial Self-Efficacy Scale). Методика включает 6 пунктов, каждый из которых отражает трудности в управлении финансами: соблюдение плана расходов при непредвиденных тратах, продвижение к финансовым целям, необходимость брать кредит при незапланированным расходах, поиск решений при финансовых проблемах, уверенность в управлении финансами и беспокойство о достаточности средств на пенсии. Все пункты сформулированы в негативном ключе, поэтому высокий балл соответствует низкой самоэффективности.

Для диагностики субъективного восприятия финансовой нестабильности использовалась 5-пунктная Шкала финансовой угрозы (Financial Threat

Scale, FTS [26]), адаптированная на российской выборке [2] и измеряющая выраженность когнитивно-эмоционального ощущения неопределенности, риска, угрозы и беспокойства по поводу текущего финансового положения.

В целях проверки конвергентной валидности опросника применялась Шкала диспозиционного оптимизма (Life Orientation Test, LOT-R) [34] в адаптации Т.О. Гордеевой [1].

Измерение личностных черт осуществлялось с помощью краткого 5-факторного опросника личности С.Д. Гослинга [14] в адаптации А.С. Сергеевой и соавторов [3], содержащего 10 утверждений, отражающих основные личностные измерения: экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, эмоциональную стабильность и открытость опыту.

Для скрининга самочувствия использовался скрининговый 5 пунктный опросник ВОЗ [41], оценивающий субъективное эмоциональное и физическое самочувствие за последние две недели (например: «Я чувствую себя бодрым и в хорошем настроении») [39].

Данные были проанализированы с помощью методов описательной статистики, факторного и корреляционного анализа (ранговой корреляции Спирмена).

Результаты исследования

Для решения поставленных в исследовании задач был проведен последовательный статистический анализ. На первом этапе рассчитаны описательные статистики по каждому пункту Шкалы финансовой резильентности, позволяющие оценить уровень выраженности отдельных компонентов конструкта в российской выборке. На втором этапе выполнен разведочный факторный анализ с целью проверки воспроизводимости трехфакторной структуры, заложенной авторами оригинальной методики. На третьем этапе проведен корреляционный анализ для выявления взаимосвязей между выделенными факторами финансовой резильентности и показателями отношения к денежно-кредитной политике. В таблице 1 представлены средние арифметические значения и стандартные отклонения по каждому утверждению, оцениваемому по 5-балльной шкале Р. Лайкерта (от 1 = «полностью не согласен» до 5 = «полностью согласен»).

Наиболее высокие средние баллы зафиксированы по пунктам, отражающим финансовую включенность: наличие дебетовой карты ($M = 4,15$; $SD = 1,02$), оплата покупок дебетовой картой ($M = 4,06$; $SD = 1,06$) и использование мобильных платежных сервисов ($M = 4,02$; $SD = 1,11$), что свидетельствует о широком проникновении цифровых финансовых услуг

в повседневную жизнь респондентов. Напротив, наиболее низкие значения продемонстрировали пункты, связанные со способностью мобилизовать средства в экстренной ситуации: наличие страховки ($M = 2,87$; $SD = 1,55$), возможность найти фиксированную сумму ($M = 2,93$; $SD = 1,27$) и сумму, равную месячной зарплате ($M = 2,99$; $SD = 1,26$). Показатели сберегательного поведения занимают промежуточное положение ($M = 3,14$ – $3,28$). Стандартные отклонения варьируются от 1,02 до 1,55, что указывает на выраженные индивидуальные различия в уровне финансовой резильентности, особенно в части страховой защиты и готовности к непредвиденным расходам.

Таблица 1.

**Средние значения и стандартные отклонения по пунктам
Шкалы финансовой резильентности**

Table 1. Mean Values and Standard Deviations for Items on the Financial Resilience Scale

Утверждения	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)
1. Я откладываю часть дохода на банковский счет	3,16	1,34
2. Я регулярно откладываю часть своих доходов	3,14	1,34
3. Я откладываю деньги на непредвиденные расходы	3,28	1,27
4. В случае срочной необходимости я смог бы взять кредит	3,09	1,27
5. Я смог бы найти сумму, равную моей месячной зарплате, чтобы покрыть неожиданные траты	2,99	1,26
6. В экстренной ситуации я смог бы раздобыть фиксированную сумму	2,93	1,27
7. У меня есть банковский счет	3,89	1,21
8. У меня есть дебетовая карта	4,15	1,02
9. У меня есть страховка (любого вида)	2,87	1,55
10. Я оплачиваю покупки дебетовой картой	4,06	1,06
11. Я пользуюсь мобильными платежными сервисами	4,02	1,11

Далее был проведен разведочный факторный анализ (ЭФА) методом главных компонент с последующим вращением «варимакс» для проверки факторной структуры русскоязычной версии опросника. Пригодность данных для факторизации оценивалась с помощью теста сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 1185,2$; $df = 55$; $p < 0,001$) и меры Кайзера – Мейера – Олкина (КМО = 0,804), что свидетельствует о хорошей адекватности выборки. Трехфакторная структура с собственными значениями выше 1 объясняет

63,5 % общей дисперсии. В таблице 2 представлены факторные нагрузки после вращения и значения уникальности для каждого пункта.

Таблица 2.

Результаты эксплораторного факторного анализа (вращение «варимакс»)**Table 2.** Results of exploratory factor analysis (Varimax rotation)

Утверждение	Факторы			Уни- каль- ность
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	
1. Я откладываю часть дохода на банковский счет	0,861			0,202
2. Я регулярно откладываю часть своих доходов	0,918			0,125
3. Я откладываю деньги на непредвиденные расходы	0,851			0,206
4. В случае срочной необходимости я смог бы взять кредит			0,624	0,594
5. Я смог бы найти сумму, равную моей месячной зарплате			0,836	0,218
6. В экстренной ситуации я смог бы раздобыть фиксированную сумму			0,824	0,245
7. У меня есть банковский счет	0,508	0,525		0,452
8. У меня есть дебетовая карта		0,892		0,200
9. У меня есть страховка (любого вида)			0,619	0,602
10. Я оплачиваю покупки дебетовой картой		0,876		0,228
11. Я пользуюсь мобильными платежными сервисами		0,734		0,450

Экplorаторный факторный анализ (ЭФА), проведенный на 11 пунктах адаптированной Шкалы финансовой резильентности, позволил выделить три фактора, совокупно объясняющих 63,5 % общей дисперсии данных. Пригодность выборки для факторизации была подтверждена высокими показателями: мера Кайзера–Мейера–Олкина (Kaiser-Meyer-Olkin, КМО) составила 0,804, а тест сферичности Бартлетта (Bartlett's test of sphericity) оказался статистически значимым ($\chi^2 = 1185,2$; $df = 55$; $p < 0,001$). Полученная трехфакторная структура в целом воспроизводит модель, предложенную авторами оригинальной методики, однако содержит важные содержательные нюансы, требующие интерпретации.

Первый фактор, получивший название «Сберегательное поведение» (Savings Behavior), объединил три пункта: «Я откладываю часть дохода на

банковский счет» (нагрузка 0,861), «Я регулярно откладываю часть своих доходов» (0,918) и «Я откладываю деньги на непредвиденные расходы» (0,851). Данный фактор демонстрирует исключительно высокую внутреннюю согласованность и практически полное совпадение с теоретической моделью: в оригинальном бразильском исследовании соответствующие пункты также образовали самостоятельный фактор, обозначенный как «Управление деньгами» (Money Management), а впоследствии переименованный в «Сберегательное поведение» (Savings Behavior). Содержательно этот фактор фиксирует не столько наличие денежных средств, сколько устойчивую поведенческую привычку – регулярное откладывание средств как рутинную практику, а не разовое действие. Все три пункта имеют высокие нагрузки и низкие значения уникальности (от 0,125 до 0,206), что свидетельствует об их высокой измерительной способности по отношению к общему латентному конструкту. В российской выборке средние баллы по этим пунктам оказались умеренными ($M = 3,14\text{--}3,28$ по 5-балльной шкале), что указывает на то, что систематическое сбережение не является повсеместной практикой, но и не представляет собой исключительное явление.

Второй фактор – «Финансовая включенность» (Financial Inclusion) – включил четыре пункта: «У меня есть дебетовая карта» (нагрузка 0,892), «Я оплачиваю покупки дебетовой картой» (0,876), «Я пользуюсь мобильными платежными сервисами» (0,734) и «У меня есть банковский счет» (0,525). Последний пункт, однако, продемонстрировал перекрестную нагрузку на третий фактор (0,357) при относительно высокой уникальности (0,452), что ставит под сомнение его однозначную принадлежность к данному конструкту. Содержательно фактор отражает доступ к базовой финансовой инфраструктуре и активное использование цифровых инструментов. Высокие средние баллы по этим пунктам ($M = 3,89\text{--}4,15$) свидетельствуют о том, что большинство респондентов интегрированы в формальную финансовую систему – имеют карты и пользуются мобильными платежными сервисами. В оригинальной бразильской версии фактор «Финансовая включенность» (Financial Inclusion) включал пять пунктов, и его структура была более отчетливой: пункт о банковском счете имел высокую нагрузку и не демонстрировал перекрестных связей. Расхождение, по-видимому, связано с культурными особенностями восприятия: в российской повседневной практике наличие банковского счета и дебетовой карты часто воспринимаются как синонимы, тогда как в бразильском контексте, где значительная часть населения остается небанкированной, эти понятия разведены более отчетливо. Именно этим объясняется то, что

пункт о банковском счете в российской выборке утрачивает дифференцирующую способность, «размываясь» между факторами.

Третий фактор – «Способность справляться с трудностями» (Coping Capacity) – оказался наиболее сложным и содержательно насыщенным. Он объединил четыре пункта: «В случае срочной необходимости я смог бы взять кредит» (нагрузка 0,624), «Я смог бы найти сумму, равную моей месячной зарплате, чтобы покрыть неожиданные траты» (0,836), «В экстренной ситуации я смог бы раздобыть фиксированную сумму» (0,824) и «У меня есть страховка (любого вида)» (0,619). Этот фактор фиксирует не столько наличие ресурсов, сколько субъективную уверенность в способности их мобилизовать в критической ситуации. Примечательно, что пункт о страховке, который в оригинальной модели входил в фактор «Финансовая включенность» (Financial Inclusion), в российской выборке перешел в фактор копинг-способности. Это может интерпретироваться как указание на то, что в российском контексте страхование воспринимается не как пассивный актив или элемент финансовой инфраструктуры, а как активная стратегия совладания с риском – инструмент, активируемый в ситуации угрозы. Низкие средние баллы по пунктам этого фактора ($M = 2,87\text{--}3,09$) свидетельствуют о том, что российские респонденты в целом невысоко оценивают свою способность мобилизовать средства в экстренной ситуации – особенно это касается наличия страховки (самый низкий показатель среди всех пунктов, $M = 2,87$) и способности найти фиксированную сумму ($M = 2,93$). Данный результат указывает на зону повышенной уязвимости, требующую отдельного внимания.

Сравнение с факторной структурой первоисточника позволяет выделить как совпадения, так и значимые расхождения. В оригинальном бразильском исследовании финальная модель также включала три фактора – «Сберегательное поведение» (Savings Behavior), «Способность справляться с трудностями» (Coping Capacity) и «Финансовая включенность» (Financial Inclusion) – и они продемонстрировали хорошие показатели надежности и конвергентной валидности. Однако в бразильской версии фактор «Финансовая включенность» включал пять пунктов, и все они имели четкие и высокие нагрузки без перекрестных связей. В российской выборке пункт о банковском счете оказался неоднозначным: его перекрестная нагрузка и высокая уникальность ставят под сомнение его пригодность для использования в данном контексте. Это расхождение, как уже отмечалось, имеет культурное объяснение: в России, где уровень проникновения банковских услуг значительно выше, чем в Бразилии, наличие счета воспринимается

как данность, а не как индикатор финансовой включенности. Кроме того, в российской выборке пункт о страховке перешел из фактора финансовой включенности в фактор копинг-способности, что также указывает на культурно-специфическое восприятие страховых продуктов как инструмента управления рисками, а не как элемента инфраструктуры.

При интерпретации факторных нагрузок обращает на себя внимание пункт 7 («У меня есть банковский счет»), который продемонстрировал перекрестную нагрузку на факторы «Сберегательное поведение» (0,508) и «Финансовая включенность» (0,525) при относительно высокой уникальности (0,452). Содержательный анализ показывает, что данное утверждение, по-видимому, было неоднозначно воспринято респондентами: в российской повседневной практике наличие банковского счета часто отождествляется с наличием дебетовой карты, тогда как в оригинальной бразильской версии, ориентированной на уязвимые группы с низким уровнем финансовой инклюзии, эти конструкты разведены более четко. В условиях российской выборки, характеризующейся высоким уровнем проникновения карточных продуктов, респонденты могли интерпретировать «счет» и «карту» как взаимозаменяемые понятия, что привело к смешению факторов. Учитывая содержательную избыточность пункта 7 и его неоднозначную интерпретацию, в финальную редакцию опросника (Приложение 1) данное утверждение не было включено.

Таким образом, адаптированная версия Шкалы финансовой резильентности в целом воспроизводит трехфакторную структуру оригинала, однако требует корректировки: пункт о банковском счете был исключен из финальной версии опросника ввиду его неоднозначной интерпретации. Остальные десять пунктов демонстрируют хорошие психометрические свойства и могут быть рекомендованы для использования в исследованиях финансового поведения российских домохозяйств.

Для выявления взаимосвязей между компонентами финансовой резильентности, социально-демографическими характеристиками, отношением к денежно-кредитной политике и личностными переменными был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена.

Ожидаемо наиболее сильные положительные связи обнаружены между субъективным уровнем дохода и факторами сберегательного поведения (FR1) ($r=0,421$, $p<0,001$), копинг-способностями (FR3) ($r=0,462$, $p<0,001$), что подтверждает объективную ресурсную основу финансовой устойчивости. Субъективный уровень дохода оказался не связан с финансовой включенностью (FR2), что указывает на равномерное проникновение банковских

услуг независимо от уровня достатка. Уровень образования положительно коррелирует со сберегательным поведением FR1 ($r=0,135$, $p<0,05$) и копинг-способностями FR3 ($r=0,138$, $p<0,05$), то есть более образованные респонденты чаще сберегают и увереннее справляются с финансовыми трудностями. Уровень урбанизации положительно связан с финансовой включенностью FR2 ($r=0,230$, $p<0,001$) и можно предположить, что в крупных населенных пунктах выше доступность банковских карт и мобильных платежей. Возраст отрицательно коррелирует с финансовой включенностью (FR2) ($r=-0,116$, $p<0,05$), что отражает более активное использование цифровых финансовых инструментов молодыми респондентами. Женщины продемонстрировали значимо большую финансовую включенность ($r=-0,133$, $p<0,05$). Степень религиозности положительно связана с копинг-способностями (FR3) ($r=0,180$, $p<0,01$), что согласуется с идеей о том, что религиозные практики могут способствовать формированию стратегий преодоления трудностей через социальную поддержку и дисциплину.

Наиболее последовательные связи выявлены между доверием к Центральному банку (ДКП1) и следующими компонентами резильентности: сберегательным поведением FR1 ($r=0,243$, $p<0,001$), копинг способностями FR3 ($r=0,315$, $p<0,001$), то есть, респонденты, доверяющие регулятору, демонстрируют более высокое сберегательное поведение и копинг-способность. Инфляционные ожидания (ДКП2) положительно коррелируют с FR2 ($r=0,221$, $p<0,001$) и чуть слабее – с FR1 ($r=0,133$, $p<0,05$) и FR3 ($r=0,153$, $p<0,01$). Это может отражать то, что люди, ожидающие роста цен, активнее пользуются банковскими счетами и картами (вероятно, для сохранения сбережений), а также откладывают деньги. Реакция на ключевую ставку (ДКП3) положительно связана со сберегательным поведением FR1 ($r=0,275$, $p<0,001$) и копинг способностями FR3 ($r=0,164$, $p<0,01$), что указывает на то, что люди, чувствительные к изменениям ставки, чаще сберегают и имеют резервы для преодоления трудностей. Эмоциональная реактивность (ДКП4) положительно коррелирует со сберегательным поведением FR1 ($r=0,130$, $p<0,05$) и копинг способностями FR3 ($r=0,165$, $p<0,01$), но не с финансовой включенностью FR2, что может означать, что эмоционально реагирующие на финансовые новости склонны больше откладывать и создавать подушку безопасности.

Диспозиционный оптимизм ожидаемо положительно связан со всеми тремя факторами резильентности: FR1 ($r=0,218$, $p<0,001$), FR2 ($r=0,140$, $p<0,05$) и FR3 ($r=0,216$, $p<0,001$). Психологическое благополучие (WHO5) демонстрирует еще более сильные связи с FR1 ($r=0,361$, $p<0,001$)

и FR3 ($r=0,464$, $p<0,001$), а также с FR2 ($r=0,117$, $p<0,05$), что подчеркивает тесную взаимосвязь между субъективным эмоциональным состоянием и финансовой устойчивостью. Среди черт Большой пятерки добросовестность оказалась положительно связана с FR1 ($r=0,135$, $p<0,05$) и FR2 ($r=0,28$, $p<0,001$), что согласуется с данными о том, что дисциплинированные люди чаще сберегают и пользуются банковскими продуктами. Эмоциональная стабильность положительно коррелирует с FR1 ($r=0,193$, $p<0,001$) и FR3 ($r=0,246$, $p<0,001$), а экстраверсия – с FR1 ($r=0,136$, $p<0,05$) и FR3 ($r=0,228$, $p<0,001$). Открытость опыту связана только с FR2 ($r=0,179$, $p<0,01$), вероятно, через большую готовность использовать новые платежные технологии. Финансовая угроза (FTS) обнаружила отрицательные связи с FR1 ($r=-0,196$, $p<0,001$) и FR3 ($r=-0,274$, $p<0,001$), но положительную с FR2 ($r=0,286$, $p<0,001$). Последний результат, на первый взгляд парадоксальный, может объясняться тем, что высокая финансовая включенность (наличие счетов, карт, мобильных платежей) повышает осведомленность о своем финансовом положении и, как следствие, усиливает восприятие угрозы, особенно в нестабильной макроэкономической среде. В целом корреляционный анализ подтверждает ожидаемые теоретические паттерны.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют поместить адаптированную Шкалу финансовой резильентности в более широкий теоретический контекст поведенческой экономики, экономической психологии и институционального анализа. Трехфакторная структура – сберегательное поведение, финансовая включенность и копинг-способность – воспроизводит ключевые измерения, выделенные в многомерной модели Ф. Салиньяка с соавторами [30], которая трактует финансовую резильентность как способность индивида мобилизовать внутренние и внешние ресурсы в периоды финансовых невзгод. Вместе с тем содержательные расхождения, выявленные в российской выборке, указывают на культурно-институциональную специфику восприятия отдельных компонентов резильентности.

Сравнение с результатами, полученными на выборках других стран, позволяет оценить степень универсальности адаптированного инструмента. В исследовании М.С. Райампатта и С.К. Раджана [31] на выборке индийских миллениалов была разработана Краткая шкала финансовой резильентности, опирающаяся на многомерную рамку Ф. Салиньяка [33]; факторный анализ подтвердил двухфакторную структуру – финансовые

ресурсы и доступ, а также финансовые знания и поведение. В итальянском исследовании Л. Боттацци и Н. Оджеро [8] было показано, что недостаток финансовой грамотности повышает вероятность неспособности справиться с финансовыми шоками, причём наиболее уязвимыми оказываются молодёжь, женщины и менее образованные граждане. В работе М. Абреу и коллег [4], выполненной на национально репрезентативных данных Португалии, установлено, что финансовая грамотность значительно повышает финансовую резильентность, которая, в свою очередь, выступает предиктором участия домохозяйств на фондовом рынке. Несмотря на различия в факторных структурах и измерительных инструментах, во всех странах прослеживается устойчивая связь финансовой грамотности и сберегательного поведения с резильентностью, что подтверждает теоретическую валидность конструкта и одновременно указывает на необходимость его культурно-специфической адаптации.

Исключение пункта о банковском счете из финальной версии опросника – не просто техническое решение, а эмпирическое свидетельство того, что в условиях высокого уровня финансовой инклюзии отдельные индикаторы утрачивают дифференцирующую способность. В российской повседневной практике наличие банковского счета и дебетовой карты воспринимаются как синонимы, тогда как в бразильском контексте, для которого разрабатывалась оригинальная методика, эти конструкты разведены более отчетливо в силу сохраняющейся небанкированности значительной части населения. Это наблюдение согласуется с выводами Ф. Салиньяка [33] о том, что измерение резильентности должно учитывать не только формальный доступ к финансовым услугам, но и их фактическую приемлемость и доступность для конкретных групп населения.

Переход пункта о страховке из фактора финансовой включенности в фактор копинг-способности также заслуживает теоретической интерпретации. В российской выборке страхование воспринимается не как пассивный элемент инфраструктуры, а как активный инструмент совладания с риском – стратегия, которую человек активизирует в ситуации угрозы. Это расхождение может отражать специфику российского страхового рынка, где добровольное страхование не является универсальной практикой, а его наличие действительно может служить маркером более высокого уровня резильентности. Данный результат перекликается с выводами обзора [17], в котором социальный капитал и доступ к финансовым услугам рассматриваются как взаимодополняющие, а не взаимозаменяемые компоненты резильентности.

Наиболее содержательно значимые результаты корреляционного анализа могут быть осмыслены в рамках поведенческой экономики. Положительная связь между доверием к Центральному банку и компонентами резильентности – сберегательным поведением и копинг-способностью – указывает на то, что институциональное доверие выступает когнитивным ресурсом, снижающим неопределенность и способствующим формированию долгосрочных финансовых стратегий. Согласно исследованиям поведенческой экономики, доверие к институтам уменьшает субъективную дисконтную ставку: люди, которые верят в предсказуемость экономической политики, с большей вероятностью готовы отказываться от текущего потребления в пользу будущих благ [24]. Напротив, подорванное доверие порождает гиперболическое дисконтирование – склонность предпочитать меньшие, но немедленные вознаграждения большим, но отсроченным, что, как показано в недавних исследованиях, снижает устойчивость к финансовым потерям [21].

Положительная связь инфляционных ожиданий с финансовой включенностью также может быть интерпретирована через призму поведенческой экономики. Люди, ожидающие роста цен, активнее пользуются банковскими счетами и картами – возможно, потому что они стремятся сохранить покупательную способность сбережений или, напротив, потому что высокая включенность делает их более чувствительными к инфляционным сигналам. Это наблюдение согласуется с теорией ментального учета (*mental accounting*), согласно которой люди по-разному воспринимают деньги в зависимости от их «происхождения» и «назначения» [38]. В условиях инфляционных ожиданий банковские счета и карты могут восприниматься не просто как инструменты платежа, а как «контейнеры» для защиты сбережений от обесценения.

Личностные черты, особенно добросовестность и эмоциональная стабильность, ожидаемо связаны с компонентами резильентности. Это согласуется с данными о том, что диспозиционные характеристики влияют на финансовое поведение через механизмы саморегуляции и планирования [23]. Диспозиционный оптимизм также положительно связан со всеми тремя факторами резильентности, что подтверждает тезис о том, что позитивные ожидания относительно будущего способствуют формированию проактивных финансовых стратегий. В то же время парадоксальная положительная связь финансовой угрозы с финансовой включенностью может указывать на то, что высокая включенность повышает осведомленность о своем финансовом положении и, как следствие, усиливает восприятие

уязвимости – эффект, который в поведенческой экономике описывается через концепцию «когнитивной доступности» (availability heuristic): чем больше информации о финансовом положении доступно, тем более значимой кажется связанная с ним угроза.

Таким образом, адаптированная Шкала финансовой резильентности не только предоставляет валидный инструмент для диагностики, но и позволяет эмпирически верифицировать теоретические предположения о том, что резильентность формируется на пересечении индивидуальных ресурсов (сбережения, копинг-стратегии), институциональных условий (доверие к регулятору, доступ к финансовым услугам) и личностных диспозиций (оптимизм, самооффективность). Выявленные расхождения с оригинальной бразильской версией подчеркивают необходимость культурно-специфической адаптации инструментов и осторожности при переносе измерительных моделей из одного институционального контекста в другой.

Выводы

Проведенное исследование было направлено на адаптацию Шкалы финансовой резильентности на российской выборке и на анализ взаимосвязей между ее компонентами и отношением населения к денежно-кредитной политике.

Разведочный факторный анализ подтвердил трехфакторную структуру русскоязычной версии опросника, воспроизводящую оригинальную модель: «Сберегательное поведение», «Финансовая включенность» и «Способность справляться с трудностями». Показатели внутренней согласованности свидетельствуют о приемлемой надежности инструмента. Вместе с тем содержательный анализ выявил расхождение с оригинальной версией: пункт «У меня есть банковский счет» продемонстрировал перекрестную нагрузку на факторы финансовой включенности и копинг-способности при высокой уникальности, что объясняется культурно-специфическим восприятием банковского счета и дебетовой карты как взаимозаменяемых понятий. В связи с этим указанный пункт был исключен из финальной версии опросника, что отражает необходимость культурно-специфической адаптации инструментов даже при сохранении общей теоретической модели.

Корреляционный анализ показал, что все три компонента финансовой резильентности ожидаемо связаны с субъективным уровнем дохода, образованием и урбанизацией. Наиболее значимыми оказались связи с отношением к денежно-кредитной политике. Доверие к Центральному банку положительно коррелирует со сберегательным поведением и копинг-способностью, что позволяет интерпретировать институциональное

доверие как психологический ресурс, снижающий неопределенность и способствующий формированию долгосрочных финансовых стратегий. Инфляционные ожидания и поведенческая реакция на ключевую ставку также продемонстрировали положительные корреляции с компонентами резильентности, что свидетельствует о взаимном усилении восприятия макроэкономической политики и индивидуальной финансовой устойчивости через механизмы адаптивного поведения. Личностные черты (добросовестность, эмоциональная стабильность и диспозиционный оптимизм) также ожидаемо связаны с финансовой резильентностью, подтверждая вклад устойчивых индивидуальных характеристик в экономическое поведение.

Полученные результаты следует интерпретировать с учетом ряда ограничений. Выборка не является репрезентативной: она смещена в сторону респондентов с высшим образованием, что ограничивает возможности обобщения на генеральную совокупность. Дизайн исследования является корреляционным, что не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях между изученными переменными. Кроме того, использовались самоотчетные методики, подверженные эффектам социальной желательности и ретроспективных искажений.

Преодоление указанных ограничений определяет направления будущих исследований. Представляется важным изучить, как именно институциональное доверие опосредует связь между макроэкономическими ожиданиями и финансовым поведением домохозяйств.

Таким образом, адаптированная версия Шкалы финансовой резильентности может быть рекомендована для использования в исследованиях, направленных на диагностику финансовой уязвимости населения, оценку эффективности программ финансового просвещения и мониторинг социально-экономических последствий денежно-кредитной политики. Полученные данные также указывают на важность учета институционального доверия и макроэкономических ожиданий при разработке мер по повышению финансовой устойчивости домохозяйств, особенно в периоды макроэкономической нестабильности.

Приложение №1

Шкала финансовой резильентности

Инструкция: Оцените, пожалуйста, степень Вашего согласия с каждым утверждением, используя следующую шкалу: 1 – «полностью не согласен», 2 – «скорее не согласен», 3 – «затрудняюсь ответить», 4 – «скорее согласен», 5 – «полностью согласен». Обведите или отметьте выбранный вариант ответа.

1. Я откладываю часть дохода на банковский счет;
2. Я регулярно откладываю часть своих доходов;
3. Я откладываю деньги на непредвиденные расходы;
4. В случае срочной необходимости я смог бы взять кредит;
5. Я смог бы найти сумму, равную моей месячной зарплате;
6. В экстренной ситуации я смог бы раздобыть фиксированную сумму;
- 7 (8). У меня есть дебетовая карта;
- 8 (9). У меня есть страховка (любого вида);
- 9 (10). Я оплачиваю покупки дебетовой картой;
- 10 (11). Я пользуюсь мобильными платежными сервисами.

Ключ для подсчета баллов

Опросник состоит из трех субшкал, соответствующих трем факторам финансовой резильентности:

1. *Сберегательное поведение*: пункты 1, 2, 3.
2. *Финансовая включенность*: пункты 7, 9, 10.
3. *Способность справляться с трудностями (копинг-способность)*: пункты 4, 5, 6, 8.

Для каждой субшкалы вычисляется средний балл как сумма баллов по входящим в нее пунктам, деленная на количество пунктов. Общий показатель финансовой резильентности может быть рассчитан как среднее арифметическое баллов по трем факторам. Более высокие значения по каждой субшкале и общему показателю соответствуют более высокой финансовой резильентности. Все пункты имеют прямую направленность, обратное кодирование не требуется.

Список литературы

1. Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., & Осин, Е. Н. (2010). Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT). *Психологическая диагностика*, (2), 36–64. EDN: <https://elibrary.ru/SUFPGP>
2. Максименко, А. А., & Лазарев, М. А. (2026). Переживаемая финансовая нестабильность: адаптация шкалы финансовой угрозы на российской выборке. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 49(3), 143–171. <https://doi.org/10.11621/LPJ-26-27>. EDN: <https://elibrary.ru/SDRTXP>
3. Сергеева, А. С., Кириллов, Б. А., & Джумагулова, А. Ф. (2016). Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности. *Экспериментальная психология*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>. EDN: <https://elibrary.ru/XAMNUL>

4. Abreu, M., Mendes, V., & Coutinho dos Santos, M. (2025). Financial literacy, financial resilience and participation in securities markets: Evidence from Portugal. *Journal of Risk and Financial Management*, 18(12), 677. <https://doi.org/10.3390/jrfm18120677>. EDN: <https://elibrary.ru/HXWKVS>
5. Adger, W. N. (2000). Social and ecological resilience: Are they related? *Progress in Human Geography*, 24, 347–364. <https://doi.org/10.1191/030913200701540465>. EDN: <https://elibrary.ru/JTPISP>
6. Bertrand, M., Mullainathan, S., & Shafir, E. (2004). A behavioral-economics view of poverty. *American Economic Review*, 94(2), 419–423. <https://doi.org/10.1257/0002828041302019>
7. Bialowolski, P., Weziak-Bialowolska, D., & McNeely, E. (2021). The role of financial fragility and financial control for well-being. *Social Indicators Research*, 155(3), 1137–1157. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02627-5>. EDN: <https://elibrary.ru/ITTRWA>
8. Bottazzi, L., & Oggero, N. (2023). Financial literacy and financial resilience: Evidence from Italy. *Journal of Financial Literacy and Wellbeing*, 1(2), 199–224. <https://doi.org/10.1017/flw.2023.10>. EDN: <https://elibrary.ru/WVCJFQ>
9. Carton, F., Xiong, H., & McCarthy, J. B. (2022). Drivers of financial well-being in socioeconomic deprived populations. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 34, 100628. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2022.100628>. EDN: <https://elibrary.ru/PYPJCL>
10. Cubeddu, F., & Martini, E. (2025). Resilience and adaptive capacities of societies: Social and cultural strategies. *Frontiers in Sociology*, 10, 1581631. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2025.1581631>. EDN: <https://elibrary.ru/CDJMWZ>
11. Demertzis, M., Domínguez-Jiménez, M., & Lusardi, A. (2020). *The financial fragility of European households in the time of COVID-19* (Policy Contribution, No. 2020/15). Bruegel.
12. Demirgüç-Kunt, A., Klapper, L., Singer, D., & Ansar, S. (2022). *The Global Findex database 2021: Financial inclusion, digital payments, and resilience in the age of COVID-19*. World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1897-4>
13. Folke, C. (2006). Resilience: The emergence of a perspective for social-ecological systems analyses. *Global Environmental Change*, 16(3), 253–267. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2006.04.002>
14. Gosling, S. D., Rentfrow, P. J., & Swann, W. B. Jr. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37, 504–528. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
15. Goyal, K., Kumar, S., Rao, P., Colombage, S., & Sharma, A. (2021). Financial distress and COVID-19: Evidence from working individuals in India. *Qualitative Research*

- in Financial Markets*, 13(4), 503–528. <https://doi.org/10.1108/QRFM-08-2020-0159>. EDN: <https://elibrary.ru/BQKPEO>
16. Holling, C. S. (1973). Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, 4, 1–23. <https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.110173.000245>
 17. Jalili, R., Gilani, N., Najafi, B., Gordeev, V. S., & Doshmangir, L. (2025). Health financial resilience in individuals and households: A scoping review of components, strategies and outcomes. *BMC Public Health*, 25(1), 3021. <https://doi.org/10.1186/s12889-025-24467-5>. EDN: <https://elibrary.ru/VAPNCK>
 18. Kamble, P. A., Mehta, A., & Rani, N. (2025). Building financial resilience: A systematic literature review and future research agenda. *Journal of Economic Surveys*, 40(2), 954–981. <https://doi.org/10.1111/joes.70024>. EDN: <https://elibrary.ru/BBTOKL>
 19. Kimhi, S. (2016). Levels of resilience: Associations among individual, community, and national resilience. *Journal of Health Psychology*, 21(2), 164–170. <https://doi.org/10.1177/1359105314524009>
 20. Klapper, L., & Lusardi, A. (2020). Financial literacy and financial resilience: Evidence from around the world. *Financial Management*, 49(3), 589–614. <https://doi.org/10.1111/fima.12283>
 21. Kuramoto, Y., Bawalle, A. A., Khan, M. S. R., & Kadoya, Y. (2025). Hyperbolic discounting and its influence on loss tolerance: Evidence from Japanese investors. *Risks*, 13(10), 202. <https://doi.org/10.3390/risks13100202>. EDN: <https://elibrary.ru/KETZUP>
 22. Liu, Z., Chen, J. K., & Xiao, J. J. (2025). Financial resilience: A scoping review, conceptual synthesis and theoretical framework. *International Journal of Bank Marketing*. <https://doi.org/10.1108/IJBM-12-2024-0735>. EDN: <https://elibrary.ru/BOTNNF>
 23. Luhmann, M., Hofmann, W., Eid, M., & Lucas, R. E. (2012). Subjective well-being and adaptation to life events: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 592–615. <https://doi.org/10.1037/a0025948>
 24. Lusardi, A., & Mitchell, O. S. (2014). The economic importance of financial literacy: Theory and evidence. *Journal of Economic Literature*, 52(1), 5–44. <https://doi.org/10.1257/jel.52.1.5>. EDN: <https://elibrary.ru/USUWSV>
 25. Lusardi, A., Schneider, D. J., & Tufano, P. (2011). *Financially fragile households: Evidence and implications* (NBER Working Paper, No. w17072). National Bureau of Economic Research, Inc. <https://doi.org/10.3386/w17072>
 26. Marjanovic, Z., Greenglass, E. R., Fiksenbaum, L., & Bell, Ch. M. (2013). Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession. *Journal of Economic Psychology*, 36(C), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2013.02.005>

27. Netemeyer, R. G., Warmath, D., Fernandes, D., & Lynch, J. G. (2018). How am I doing? Perceived financial well-being, its potential antecedents, and its relation to overall well-being. *Journal of Consumer Research*, 45(1), 68–89. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucx109>
28. Oliveira, N. A., Bressan, A. A., & Vieira, K. M. (2024). *Measuring financial resilience in Brazil: Construction and validation of a psychometric instrument for vulnerable populations* [Unpublished manuscript].
29. Orthner, D. K., Jones-Sanpei, H., & Williamson, S. (2004). The resilience and strengths of low-income families. *Family Relations*, 53(2), 159–167. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00006.x>
30. Preciado Coronado, J., & Flores Flores, D. (2025). Critical theory of the concept of resilience and general social theory. *Espacio Abierto. Cuaderno Venezolano de Sociología*, 34(4), 23–37. <https://doi.org/10.5281/zenodo.16949828>
31. Rayampatt, M. C., & Rajan, S. K. (2025). Development and validation of the Brief Financial Resilience Scale. *Social Indicators Research*, 179(3), 1417–1430. <https://doi.org/10.1007/s11205-025-03673-z>. EDN: <https://elibrary.ru/HIDEQX>
32. Robba, M., Carmela, A., Iannello, P., & Sorgente, A. (2026). Bridging economic and psychological perspectives on financial resilience: An integrative review and research agenda. *International Journal of Consumer Studies*, 50(2), e70174. <https://doi.org/10.1111/ijcs.70174>. EDN: <https://elibrary.ru/KSIYUI>
33. Salignac, F., Marjolin, A., Reeve, R., & Muir, K. (2019). Conceptualizing and measuring financial resilience: A multidimensional framework. *Social Indicators Research*, 145(1), 17–38. <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02100-4>. EDN: <https://elibrary.ru/VDQHWM>
34. Scheier, M. F., Carver, C. S., & Bridges, M. W. (1994). Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A reevaluation of the Life Orientation Test. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(6), 1063–1078. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.6.1063>. EDN: <https://elibrary.ru/HITQIL>
35. Simmie, J., & Martin, R. (2010). The economic resilience of regions: Towards an evolutionary approach. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3(1), 27–43. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsp029>
36. Southwick, S. M., Bonanno, G. A., Masten, A. S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: Interdisciplinary perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*, 5(1), 25338. <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>
37. Swanstrom, T. (2008). *Regional resilience: A critical examination of the ecological framework* (Working Paper). University of California, Institute of Urban and Regional Development (IURD), Berkeley.

38. Thaler, R. H. (1999). Mental accounting matters. *Journal of Behavioral Decision Making*, 12, 183–206. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199909\)12:3](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199909)12:3)
39. Topp, C. W., Ostergaard, S. D., Sondergaard, S., & Bech, P. (2015). The WHO-5 Well-Being Index: A systematic review of the literature. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 84(3), 167–176. <https://doi.org/10.1159/000376585>
40. Walker, J. (2011). Genealogies of resilience: From systems ecology to the political economy of crisis adaptation. B: *More Heat than Life: The Tangled Roots of Ecology, Energy, and Economics*, 42(2), 143–160. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3936-7_14
41. World Health Organization (WHO). (1998). *Wellbeing measures in primary health care / The DEPCARE Project: Report on a WHO meeting*. Stockholm.

References

1. Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., & Osin, E. N. (2010). Development of the Russian-language version of the Dispositional Optimism Test (LOT). *Psikhologicheskaya Diagnostika*, (2), 36–64. EDN: <https://elibrary.ru/SUFPGP>
2. Maksimenko, A. A., & Lazarev, M. A. (2026). Perceived financial instability: Adaptation of the financial threat scale in a Russian sample. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 49(3), 143–171. <https://doi.org/10.11621/LPJ-26-27>. EDN: <https://elibrary.ru/SDRTXP>
3. Sergeeva, A. S., Kirillov, B. A., & Dzhumagulova, A. F. (2016). Translation and adaptation of the Brief Five-Factor Personality Inventory (TIPI-RU): Assessment of convergent validity, internal consistency, and test–retest reliability. *Experimental Psychology*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>. EDN: <https://elibrary.ru/XAMNUL>
4. Abreu, M., Mendes, V., & Coutinho dos Santos, M. (2025). Financial literacy, financial resilience and participation in securities markets: Evidence from Portugal. *Journal of Risk and Financial Management*, 18(12), 677. <https://doi.org/10.3390/jrfm18120677>. EDN: <https://elibrary.ru/HXWKVS>
5. Adger, W. N. (2000). Social and ecological resilience: Are they related? *Progress in Human Geography*, 24, 347–364. <https://doi.org/10.1191/030913200701540465>. EDN: <https://elibrary.ru/JTPISP>
6. Bertrand, M., Mullainathan, S., & Shafir, E. (2004). A behavioral-economics view of poverty. *American Economic Review*, 94(2), 419–423. <https://doi.org/10.1257/0002828041302019>
7. Bialowolski, P., Weziak-Bialowolska, D., & McNeely, E. (2021). The role of financial fragility and financial control for well-being. *Social Indicators Research*, 155(3), 1137–1157. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02627-5>. EDN: <https://elibrary.ru/ITTRWA>

8. Bottazzi, L., & Oggero, N. (2023). Financial literacy and financial resilience: Evidence from Italy. *Journal of Financial Literacy and Wellbeing*, 1(2), 199–224. <https://doi.org/10.1017/flw.2023.10>. EDN: <https://elibrary.ru/WVCJFQ>
9. Carton, F., Xiong, H., & McCarthy, J. B. (2022). Drivers of financial well-being in socio-economic deprived populations. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 34, 100628. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2022.100628>. EDN: <https://elibrary.ru/PYPJCL>
10. Cubeddu, F., & Martini, E. (2025). Resilience and adaptive capacities of societies: Social and cultural strategies. *Frontiers in Sociology*, 10, 1581631. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2025.1581631>. EDN: <https://elibrary.ru/CDJMWZ>
11. Demertzis, M., Domínguez-Jiménez, M., & Lusardi, A. (2020). *The financial fragility of European households in the time of COVID-19* (Policy Contribution, No. 2020/15). Bruegel.
12. Demirgüç-Kunt, A., Klapper, L., Singer, D., & Ansar, S. (2022). *The Global Findex database 2021: Financial inclusion, digital payments, and resilience in the age of COVID-19*. World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1897-4>
13. Folke, C. (2006). Resilience: The emergence of a perspective for social-ecological systems analyses. *Global Environmental Change*, 16(3), 253–267. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2006.04.002>
14. Gosling, S. D., Rentfrow, P. J., & Swann, W. B. Jr. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37, 504–528. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
15. Goyal, K., Kumar, S., Rao, P., Colombage, S., & Sharma, A. (2021). Financial distress and COVID-19: Evidence from working individuals in India. *Qualitative Research in Financial Markets*, 13(4), 503–528. <https://doi.org/10.1108/QRFM-08-2020-0159>. EDN: <https://elibrary.ru/BQKPEO>
16. Holling, C. S. (1973). Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, 4, 1–23. <https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.110173.000245>
17. Jalili, R., Gilani, N., Najafi, B., Gordeev, V. S., & Doshmangir, L. (2025). Health financial resilience in individuals and households: A scoping review of components, strategies and outcomes. *BMC Public Health*, 25(1), 3021. <https://doi.org/10.1186/s12889-025-24467-5>. EDN: <https://elibrary.ru/VAPNCK>
18. Kamble, P. A., Mehta, A., & Rani, N. (2025). Building financial resilience: A systematic literature review and future research agenda. *Journal of Economic Surveys*, 40(2), 954–981. <https://doi.org/10.1111/joes.70024>. EDN: <https://elibrary.ru/BBTOKL>
19. Kimhi, S. (2016). Levels of resilience: Associations among individual, community, and national resilience. *Journal of Health Psychology*, 21(2), 164–170. <https://doi.org/10.1177/1359105314524009>

20. Klapper, L., & Lusardi, A. (2020). Financial literacy and financial resilience: Evidence from around the world. *Financial Management*, 49(3), 589–614. <https://doi.org/10.1111/fima.12283>
21. Kuramoto, Y., Bawalle, A. A., Khan, M. S. R., & Kadoya, Y. (2025). Hyperbolic discounting and its influence on loss tolerance: Evidence from Japanese investors. *Risks*, 13(10), 202. <https://doi.org/10.3390/risks13100202>. EDN: <https://elibrary.ru/KETZUP>
22. Liu, Z., Chen, J. K., & Xiao, J. J. (2025). Financial resilience: A scoping review, conceptual synthesis and theoretical framework. *International Journal of Bank Marketing*. <https://doi.org/10.1108/IJBM-12-2024-0735>. EDN: <https://elibrary.ru/BOTNNF>
23. Luhmann, M., Hofmann, W., Eid, M., & Lucas, R. E. (2012). Subjective well-being and adaptation to life events: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 592–615. <https://doi.org/10.1037/a0025948>
24. Lusardi, A., & Mitchell, O. S. (2014). The economic importance of financial literacy: Theory and evidence. *Journal of Economic Literature*, 52(1), 5–44. <https://doi.org/10.1257/jel.52.1.5>. EDN: <https://elibrary.ru/USUWSV>
25. Lusardi, A., Schneider, D. J., & Tufano, P. (2011). *Financially fragile households: Evidence and implications* (NBER Working Paper, No. w17072). National Bureau of Economic Research, Inc. <https://doi.org/10.3386/w17072>
26. Marjanovic, Z., Greenglass, E. R., Fiksenbaum, L., & Bell, Ch. M. (2013). Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession. *Journal of Economic Psychology*, 36(C), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2013.02.005>
27. Netemeyer, R. G., Warmath, D., Fernandes, D., & Lynch, J. G. (2018). How am I doing? Perceived financial well-being, its potential antecedents, and its relation to overall well-being. *Journal of Consumer Research*, 45(1), 68–89. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucx109>
28. Oliveira, N. A., Bressan, A. A., & Vieira, K. M. (2024). *Measuring financial resilience in Brazil: Construction and validation of a psychometric instrument for vulnerable populations* [Unpublished manuscript].
29. Orthner, D. K., Jones-Sanpei, H., & Williamson, S. (2004). The resilience and strengths of low-income families. *Family Relations*, 53(2), 159–167. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00006.x>
30. Preciado Coronado, J., & Flores Flores, D. (2025). Critical theory of the concept of resilience and general social theory. *Espacio Abierto. Cuaderno Venezolano de Sociología*, 34(4), 23–37. <https://doi.org/10.5281/zenodo.16949828>
31. Rayampatt, M. C., & Rajan, S. K. (2025). Development and validation of the Brief Financial Resilience Scale. *Social Indicators Research*, 179(3), 1417–1430. <https://doi.org/10.1007/s11205-025-03673-z>. EDN: <https://elibrary.ru/HIDEQX>

32. Robba, M., Carmela, A., Iannello, P., & Sorgente, A. (2026). Bridging economic and psychological perspectives on financial resilience: An integrative review and research agenda. *International Journal of Consumer Studies*, 50(2), e70174. <https://doi.org/10.1111/ijcs.70174>. EDN: <https://elibrary.ru/KSIYUI>
33. Salignac, F., Marjolin, A., Reeve, R., & Muir, K. (2019). Conceptualizing and measuring financial resilience: A multidimensional framework. *Social Indicators Research*, 145(1), 17–38. <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02100-4>. EDN: <https://elibrary.ru/VDQHWM>
34. Scheier, M. F., Carver, C. S., & Bridges, M. W. (1994). Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A reevaluation of the Life Orientation Test. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(6), 1063–1078. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.6.1063>. EDN: <https://elibrary.ru/HITQIL>
35. Simmie, J., & Martin, R. (2010). The economic resilience of regions: Towards an evolutionary approach. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3(1), 27–43. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsp029>
36. Southwick, S. M., Bonanno, G. A., Masten, A. S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: Interdisciplinary perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*, 5(1), 25338. <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>
37. Swanstrom, T. (2008). *Regional resilience: A critical examination of the ecological framework* (Working Paper). University of California, Institute of Urban and Regional Development (IURD), Berkeley.
38. Thaler, R. H. (1999). Mental accounting matters. *Journal of Behavioral Decision Making*, 12, 183–206. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199909\)12:3](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199909)12:3)
39. Topp, C. W., Ostergaard, S. D., Sondergaard, S., & Bech, P. (2015). The WHO-5 Well-Being Index: A systematic review of the literature. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 84(3), 167–176. <https://doi.org/10.1159/000376585>
40. Walker, J. (2011). Genealogies of resilience: From systems ecology to the political economy of crisis adaptation. B. *More Heat than Life: The Tangled Roots of Ecology, Energy, and Economics*, 42(2), 143–160. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3936-7_14
41. World Health Organization (WHO). (1998). *Wellbeing measures in primary health care / The DEPCARE Project: Report on a WHO meeting*. Stockholm.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, факультет социальных наук

НИУ Высшая школа экономики

ул. Мясницкая, 20, г. Москва, 109000, Российская Федерация

Maximenko.Al@gmail.com

Лазарев Максим Анатольевич, аспирант, факультет экономики

Российский государственный университет социальных технологий

ул. Лосиноостровская, 49, г. Москва, 109000, Российская Федерация

zalazarev@mail.ru

Юринова Дарья Валерьевна, магистрант, институт экономики, управления и финансов

Костромской государственный университет

ул. Дзержинского, 17, г. Кострома, 156000, Российская Федерация

yurinova.dasha@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Aleksander A. Maksimenko, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Faculty of Social Sciences

National Research University "Higher School of Economics"

20, Myasnitskaya Str., Moscow, 109000, Russian Federation

Maximenko.Al@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Maksim A. Lazarev, postgraduate student, Faculty of Economics

Russian State University of Social Technologies

49, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 109000, Russian Federation

zalazarev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3226-1379>

Darya V. Yurina, Master's Student, Institute of Economics, Management and Finance

Kostroma State University

17, Dzerzhinskogo Str., Kostroma, 156000, Russian Federation

yurinova.dasha@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8261-9007>

Поступила 13.09.2026

После рецензирования 06.10.2026

Принята 13.10.2026

Received 13.09.2026

Revised 06.10.2026

Accepted 13.10.2026